[8] См.: ГАВО. Ф. 2073. Оп. 4. Д. 13. Л. 1–2.
[9] См.: ГАВО. Ф. 2074. Оп. 2. Д. 10. Л. 32, 32 об.
[10] См.: ГАМгО. Ф. 858. Оп. 3. Д. 2. Л. 73.
[11] См.: ГАМгО. Ф. 847. Оп. 2. Д. 1. Л. 58.
[12] См.: ГАМгО. Ф. 858. Оп. 1. Д. 1. Л. 84.
[13] См.: ГАВО. Ф. 2848. Оп. 1. Д. 130. Л. 23.
[14] См.: ГАМгО. Ф. 845. Оп. 2. Д. 1. Л. 44, 14.
[15] См.: ГАМО. Ф. 1566. Оп. 1. Д. 5. Л. 124.
[16] См.: ГАМгО. Ф. 259. Оп. 1. Д. 26. Л. 176.
[17] См.: ГАВО. Ф. 2074. Оп. 2. Д. 6. Л. 135.
[18] ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 4. Л. 23.
[19] См.: ГАМгО. Ф. 858. Оп. 3. Д. 1. Л. 46.
[20] См.: К ' я р ы Б. Штодзённасць за лініяй фронту: акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941–1944 гг.) / пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіч. Мінск, 2005. С. 210–220.
[21] См.: ГАМО. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 68. Л. 88.
[22] См.: ГАМО. Ф. 1039. Оп. 1. Д. 185. Л. 4.
[23] См.: ГАВО. Ф. 2088. Оп. 1. Д. 6. Л. 31, 47, 48.
[24] См.: ГАМО. Ф. 1542. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.
[25] См.: ГАМгО. Ф. 858. Оп. 3. Д. 1. Л. 24, 41.
[26] См.: ГАМгО. Ф. 858. Оп. 33. Д. 89. Л. 7.
[27] См.: ГАМгО. Ф. 858. Оп. 3. Оп. 1. Л. 44, 45.
[28] См.: ГАВО. Ф. 2073. Оп. 4. Д. 6. Л. 1, 4, 9, 12, 15, 23, 27.
[29] См.: ГАВО. Ф. 2073. Оп. 5. Д. 4. Л. 1, 4, 6, 8, 16, 17, 31, 33, 45.
[30] См.: ГАВО. Ф. 2073. Оп. 5. Д. 1. Л. 24.
[31] См.: Государственный архив Брестской области. Ф. 2149. Оп. 1. Д. 36. Л. 1–5.

Поступила в редакцию 21.01.13.

Евгений Александрович Гребень – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и истории БГАТУ.

УДК 94(47).084.9

Н. Е. ОРЛОВА

ПЕРЕСТРОЙКА В СССР В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИКОВ

Рассматриваются взгляды западных политических деятелей на перестройку в СССР. Отмечается, что в условиях глобализации перестройка в СССР оказала огромное влияние на мировую обстановку, изменив всю конфигурацию международных отношений. В свою очередь, одновременно с процессом реформирования советское общество испытывало на себе заметное воздействие внешнеполитического фактора. До сих пор разброс в оценках перестроечного процесса в Советском Союзе очень велик, что обусловлено прежде всего неоднозначностью этого события в новейшей истории. Вместе с тем представители политических и общественных кругов Запада перестройку в СССР в целом оценивают положительно. Во многом это объясняется тем, что мировое сообщество с перестройкой связывало демократизацию Советского Союза, окончание холодной войны, реальное сокращение вооружений и избавление человечества от угрозы мировой термоядерной катастрофы, объединение Германии, т. е. все те позитивные сдвиги, которые оно приветствовало.

Ключевые слова: перестройка; процесс реформирования; демократизация; советское общество; Запад; международные отношения; мировое сообщество; холодная война.

Views of western politicians at perestroika in the USSR are considered in the article. Under the conditions of globalization perestroika in the USSR had an enormous influence on world situation, after changing entire configuration of international relations. In turn the process of reforming the Soviet society underwent the noticeable action of foreign- policy factor. The spread in the estimations of the process of perestroika in the Soviet Union is very great until now. It is caused, first of all, by the ambiguity of this event in the contemporary history. At the same time the representatives of the political and public circles of the West perestroika in the USSR as a whole positively evaluate. In many respects this explains by the fact that the world community with perestroika connected the democratization of the Soviet Union, the end Cold War, the real reduction of armaments and the deliverance of humanity from the threat of world thermonuclear catastrophe, the association of Germany, i.e., all those positive changes, which it greeted.

Key words: perestroika; process of reforming; democratization; Soviet society; the West; international relations; the world community; Cold War.

Кардинальные перемены в Советском Союзе во второй половине 1980-х гг. – перестройка, гласность, демократизация – были ответом на назревшие потребности советского общества с его проблемами и неразрешенными противоречиями. В условиях глобализации перестройка в СССР оказала огромное влияние на мировую обстановку, изменив всю конфигурацию международных отношений. Одновременно с процессом реформирования советское общество испытывало на себе воздействие внешнеполитического фактора, который во многом предопределил его дальнейшую судьбу.

В соответствии с «новым политическим мышлением» новое советское руководство внесло существенные коррективы в основополагающие принципы советской внешней политики. Концепция «нового мышления» была озвучена М. С. Горбачевым на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г. Ее основные положения, в частности, предусматривали: отказ от вывода о расколе мира на две враждующие политические системы; провозглашение невозможности решения международных противоречий силовыми методами; признание главенства общечеловеческих ценностей над классовыми, национальными, идеологическими, религиозными и иными[1]. Таким образом, советская

внешнеполитическая концепция была принципиально скорректирована в духе «нового мышления». Определяющей чертой международной деятельности СССР во второй половине 1980-х гг. стала ее направленность на новую практическую политику, конкретные договоренности. И в этом контексте важнейшей внешнеполитической инициативой Советского Союза была программа полной ликвидации ядерного оружия во всем мире до конца XX в.

Страны Запада с большим интересом отнеслись к происходившим переменам в советском государстве, с их стороны также наметилось встречное движение. Известно, что в послевоенный период международная обстановка в целом во многом зависела от отношений между СССР и США. Реакция США на происходившие в Советском Союзе изменения имела решающее значение в создании благоприятного международного климата для советской перестройки. В связи с этим отношения с Соединенными Штатами для нового советского руководства были во многом определяющими. Значение данного фактора усиливала непростая ситуация в американо-советских связях, сложившаяся в начале 1980-х гг. В 1980 г. американским президентом стал лидер крайне консервативных кругов Р. Рейган. Он сразу открыто заявил о своем полном неприятии «безбожной доктрины коммунизма», о необходимости ликвидации «империи зла» в виде СССР. В начале правления Р. Рейгана США открыто отказались от политики разрядки, взяли курс на прямую конфронтацию с Советским Союзом, на его изматывание в гонке вооружений. Выступая в июне 1982 г. в британском парламенте, президент США призвал Запад к «крестовому походу» против коммунизма. Для первого периода президентства Рейгана характерным было его заявление по поводу невозможности вести переговоры с Советским Союзом: «Нельзя идти на компромиссы с людьми, отрицающими существование души, потустороннего мира и Бога»[2]. Стремясь истощить до крайности советскую экономику непомерными военными расходами, Соединенные Штаты приступили к размещению в Западной Европе ракет средней дальности, объявили о крупных ассигнованиях на разработку новых видов вооружений, начали работу по программе «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране, СССР вынужден был принять ответные меры, что поставило мир на грань ядерной войны. В данных условиях диалог, который прежде вели между собой страны, был фактически прерван.

Первые симптомы отхода Рейгана от однозначно жесткого антисоветского курса относятся к 1983–1984 гг. Подобная переориентация США определялась рядом обстоятельств, как внутриполитических, так и международных. В правящих кругах США росло убеждение в бесперспективности гонки ракетно-ядерных вооружений. К этому времени США уже достигли определенных преимуществ в Европе. Осознание опасных последствий неконтролируемой гонки вооружений все шире распространялось и в массовом сознании американцев. Подобные настроения в американском обществе вынуждали Р. Рейгана смягчить свои внешнеполитические установки и повернуть к большему реализму. В целях сохранения политических позиций во время президентской кампании 1984 г. особый упор был сделан на необходимости поиска путей решения международных проблем посредством переговоров. В своей второй инаугурационной речи Р. Рейган заверил слушателей, что намерен «встречаться с Советским Союзом, надеясь, что сможет договориться о путях избавления мира от угрозы ядерного уничтожения»[3].

Однако реальные сдвиги в советско-американских отношениях стали заметны лишь в 1985 г. с приходом к власти в СССР нового руководства. Новый советский лидер М. С. Горбачев сразу же начал активный поиск методов прекращения гонки вооружений и достижения соглашений с США. Уже в своей первой речи на пленуме руководства партии (март 1985 г.) он предложил заморозить ядерный арсенал и прекратить дальнейшее развертывание ракет. С этого времени наметились положительные сдвиги в американо-советских отношениях, началось взаимодействие в целях выработки баланса интересов. В течение второго срока президентства Рейгана произошло пять встреч двух держав на высшем уровне, фактически они проходили ежегодно: ноябрь 1985 г., Женева; октябрь 1986 г., Рейкьявик; декабрь 1987 г., Вашингтон; май – июнь 1988 г., Москва. Во время переговоров в этот период был подписан ряд соглашений, охватывавших практически весь комплекс проблем. Встреча лидеров двух стран в Вашингтоне, во время которой было подписано соглашение о ликвидации наземного ядерного оружия ближнего и среднего радиуса действия, показала широкие перспективы в советско-американских отношениях. Таким образом, дело разоружения сдвинулось с места, обозначилось стремление сторон к укреплению международной безопасности. Подобные достижения в советско-американских отношениях свидетельствовали о принятии американским руководством политики перестройки и повышении уровня доверия между странами.

В этот период Р. Рейган проявлял к советской перестройке особый интерес. Ему импонировали ее такие внутриполитические аспекты, как борьба с бюрократией и излишней государственной централизацией. Подобные преобразования были созвучны настроениям самого Рейгана и понятны ему, в них он видел определенную аналогию своему реформированию, а посещение Москвы еще больше изменило его представление о СССР. Когда его здесь спросили, продолжает ли он считать Советский Союз «империей зла», он ответил: «Нет. Теперь не то время. Та эпоха ушла»[4]. Возросшее доверие Рейгана к советскому руководству и его поддержку перестроечных процессов в СССР отмечает видный американский дипломат, посол в СССР в 1987–1991 гг. Дж. Ф. Мэтлок: «На Рейгана произвело впечатление то, что Горбачев пошел на соглашение об уничтожении ядерных ракет средней дальности и на шаги, позволившие открыть советские средства массовой информации для серьезных дискуссий… И хотя некоторые

советники говорили Рейгану, что Горбачев хочет реформировать Советский Союз только для того, чтобы сделать его сильнее и эффективнее в проведении своей традиционной внешней политики, Рейган понимал, что новый Советский Союз, пусть даже более сильный, не будет представлять угрозы для США или для своих соседей, а скорее станет партнером в деле экономического развития и сохранения мира»[5].

Особую роль в достижении взаимопонимания между странами в данный период сыграли непосредственно личные контакты между Р. Рейганом и М. С. Горбачевым. Американская пресса в этой связи отмечала: «Михаил Горбачев сам стал любимым учителем Рейгана»[6]. При всей его нелюбви к чтению Рейган внимательно изучил книгу М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Данный фактор особо подчеркивал и французский журналист Ж.-М. Гонен: «Суровый Рональд Рейган был настолько восхищен новым советским лидером, что его советники одно время сильно беспокоились, не слишком ли легко Рейган расстается с ядерным оружием»[7].

Однако Рейган не во всем приветствовал политику советской перестройки. Он понимал, что в конечном счете она была нацелена на укрепление общественно-политической системы, категорически неприемлемой для него. Во многом это объясняет его далеко не полный отказ от антисоветских убеждений, от ставки на военную силу. И хотя советское руководство шло на значительные уступки, Рейган остался верным своему любимому детищу – программе СОИ, нацеленной, по сути, на слом военно-стратегического паритета между СССР и США. В связи с этим до конца пребывания Рейгана у власти конструктивных сдвигов в советско-американских отношениях не произошло. Некоторые члены администрации, например министр обороны К. Уайнбергер, оказывали серьезное сопротивление нормализации отношений с СССР. В определенной степени это обусловливалось и сохранявшимся недоверием к политике перестройки: слишком большое количество мирных инициатив со сторон советского руководства в области сокращения вооружений вызывало подозрение у американской администрации, усматривавшей в этом тайное стремление СССР добиться преимуществ в гонке вооружений. В своих воспоминаниях Рейган писал: «К началу 1986 г. мы все больше убеждались в том, что советская экономика находится в состоянии развала… Именно программа СОИ заставила Советский Союз пойти на переговоры в Женеве и Рейкьявике… Программа СОИ – это страховой полис, гарантирующий, что Советы будут выполнять свои обязательства, взятые Горбачевым и мною в Рейкьявике…»[8] Данное высказывание, возможно, раскрывает истинную суть отношения Рейгана к СССР вообще и к советской перестройке в частности. В нем отражено его недоверие к Советскому Союзу и прежняя приверженность политике «с позиции силы». Однако здесь появляется и новый момент – видение СССР как уже более слабого партнера, на которого можно «нажать». С одной стороны, подобная позиция Рейгана во многом объясняется его буквальной ненавистью к «безбожному коммунизму», а с другой – убежденностью в особой миссии США и верой в американскую исключительность.

Пожалуй, более активную и выразительную позицию к советской перестройке занял преемник Р. Рейгана Дж. Буш. И не случайно в своей внешнеполитической деятельности отношения с СССР, а затем и с Россией он поставил на первое место. В инаугурационной речи, обозначая внешнеполитические ориентиры будущей администрации, он конкретно назвал только одну страну – Советский Союз. При этом заявил о преемственности своей политики: «…мы вновь продолжим сближение с Советским Союзом в полном соответствии с нашей безопасностью и прогрессом»[9]. Дж. Буш использовал все достижения своего предшественника в развитии политического диалога с Советским Союзом в выгодном для США русле. Намеченная Рейганом линия на переговоры с позиции силы была закреплена им в качестве наиболее разумной. Как и прежде, встречи между странами на высшем уровне были ежегодными: декабрь 1989 г., Мальта; май – июнь 1990 г., Вашингтон; июль 1991 г., Москва. Кульминации взаимоотношения между странами достигли в декабре 1989 г. во время встречи Дж. Буша и М. С. Горбачева на Мальте. Здесь американскому президенту удалось добиться твердого заверения советского лидера о невмешательстве Советского Союза в политический процесс, развернувшийся в Восточной Европе. Это открыло дорогу распаду СЭВ, ОВД и в конечном счете способствовало полному уходу СССР из региона.

В период президентства Буша произошли кардинальные события, существенно изменившие развитие международных отношений и расстановку сил на мировой арене: советская перестройка переживала серьезные трудности, Коммунистическая партия Советского Союза утратила контроль над страной, начался распад социалистической системы, произошло объединение Германии. Администрация Буша стремилась максимально использовать в своих целях происходившие перемены. В условиях кризиса политики перестройки от советского руководства Дж. Буш ожидал тех или иных уступок. Это во многом объясняет его большую заинтересованность в сохранении у власти М. С. Горбачева. Об этом свидетельствует выдержка из аналитической записки Совета по национальной безопасности от 14 марта 1989 г., которую в своей книге «На самом высоком уровне» приводят американские исследователи М. Беншлосс и С. Тэлботт: «Соединенные Штаты должны попытаться придать необратимый характер реформам в Советском Союзе… Перестройка в наших интересах: новый подход Горбачева дает нам в руки рычаг воздействия, которым восемь лет назад мы обладали... Политика США должна быть нацелена не на то, чтобы помочь Горбачеву, а скорее на то, чтобы умело бросить вызов Советам и, таким образом, направить их на развитие в нужное нам русло»[10]. Следовательно, руководство США стремилось к использованию слабости Советского Союза в своих интересах и к полному превосходству над бывшим противником.

Вместе с тем нельзя отрицать и то, что в определенной степени администрация Буша была заинтересована в реальном успехе советской перестройки в интересах стабильности и безопасности мира. Так, в своем выступлении в мае 1989 г. Дж. Буш отмечал: «…Соединенные Штаты выдвигают в качестве своей цели гораздо больше, чем простое сдерживание советского экспансионизма. Мы стремимся к интеграции Советского Союза в сообщество наций… И не стоит сомневаться в нашем искреннем желании надеяться на успех перестройки… И мы ждем, когда последуют обнадеживающие и прочные перемены в экономике и политике…»[11] В этом же духе звучит и высказывание американского президента во время советско-американской встречи на Мальте в 1989 г., первым пунктом которой было отношение к перестройке: «Мир станет лучше, если перестройка увенчается успехом. Еще некоторое время тому назад в США было много сомневающихся на этот счет… Но можно со всей определенностью говорить, что серьезные, думающие люди в США подобных взглядов не поддерживают… Вы можете быть уверены в том, что имеете дело с администрацией США, а также с конгрессом, которые хотят, чтобы ваши преобразования увенчались успехом»[12]. Подобную позицию выражал и госсекретарь США Дж. Бейкер. Накануне встречи на Мальте он посетил Москву и понял серьезность перемен в Советском Союзе. В своих мемуарах по этому поводу Бейкер отмечал осознание того, что «перестройка – это не очередной трюк Кремля», чтобы усыпить бдительность Запада, что игнорировать стремление советского руководства к глубоким переменам в стране и в мире – ошибка. И далее он сделал заявление: «Провал перестройки – не в наших интересах. В самом деле – мы хотели бы увидеть успех перестройки»[13]. Однако и в этом случае развитие советской перестройки виделось американской администрацией как контролируемый и направляемый в выгодное для нее русло процесс – в сторону создания монополярного мира с единым центром – США.

Как известно, основным западноевропейским партнером США традиционно являлась Великобритания. Укрепление тесного союза и «особых отношений» с США оставалось приоритетным направлением во внешней политике Великобритании. В свое время тандем Рейган – Тэтчер в значительной степени способствовал формированию всеми странами НАТО достаточно жесткой, бескомпромиссной позиции в отношении СССР. Более того, взаимоотношения Восток – Запад занимали в 1980-е гг. важное место во внешнеполитической стратегии Великобритании. Лондон традиционно стремился играть роль координатора и проводника согласованной политики Запада в отношении Советского Союза. И в этой связи политика британского руководства сыграла немаловажную роль в формировании позиции к ней со стороны стран Запада.

Придя к власти, Тэтчер взяла курс на укрепление военно-политического сотрудничества с США и НАТО, выступила активной сторонницей мер по «довооружению» Западной Европы[14]. Правительство тори присоединилось к объявленному Р. Рейганом «крестовому походу против коммунизма». В начале 1980 г. М. Тэтчер призвала Европу к пересмотру всего комплекса отношений в свете событий в Афганистане, затем и к бойкоту летней Олимпиады 1980 г. в Москве. В связи с этим для британской политики в отношении СССР были характерны негативные, нередко враждебные тенденции. Большую роль при этом играла личная позиция М. Тэтчер, которая обличала социалистическую систему в СССР и экспансионистский курс советских лидеров.

В конце своего первого премьерства М. Тэтчер стала постепенно отходить от бескомпромиссной позиции по отношению к СССР. Вместе с тем для нее тогда это был скорее вынужденный шаг, обусловленный прежде всего достижением предельного уровня гонки ракетно-ядерных вооружений, вызвавшим изменения в общественном мнении. Об этом свидетельствует факт, что Великобритания была первой из западноевропейских стран НАТО, где с ноября 1983 г. началось размещение американских ядерных ракет средней дальности. А «Таймс» сообщала, что в кругу своих советников после выборов 1983 г. М. Тэтчер бросила фразу, что никогда не отправится в Москву[15].

Первым шагом на пути сдвига во взаимоотношениях Восток – Запад стал визит в Великобританию в декабре 1984 г. советской парламентской делегации во главе с М. С. Горбачевым (по инициативе британской стороны). Новым был сам тон дискуссий – откровенный, заинтересованный, направленный на взаимопонимание. Выступая перед представителями деловых кругов, М. С. Горбачев указал на необходимость выведения отношений между странами на новый позитивный путь. По окончании встречи с М. С. Горбачевым М. Тэтчер заметила: «Мне понравился Горбачев. Мы сможем работать вместе»[16]. Британский премьер первой среди западных политиков еще до прихода Горбачева к власти объявила, что ему «можно верить»[17]. И здесь обращает на себя внимание весьма удивительный факт – за довольно короткий срок принципиально меняется характер отношений британского премьера к советскому лидеру. Единственное объяснение этому – проявление «фактора Горбачева».

М. Тэтчер первая среди политических лидеров стран Запада по достоинству оценила огромное значение перемен в СССР и активно поддержала их, в то время как еще многие политики не осознали сущности советской перестройки и сомневались в ее реальности. Даже лидер английских социал-демократов лейборист Д. Оуэн критиковал главу кабинета за ее поддержку перестроечных процессов в СССР, заявляя, что премьер-министр стала «жертвой пропаганды КГБ»[18]. Однако М. Тэтчер была уверена в своей правоте, отмеченные процессы она напрямую связывала с проблемами безопасности в Европе и мире: «Мир движется к тому, чтобы стать более безопасным местом, и если реформы осуществлять, то холодная война подойдет к концу»[19]. В советской перестройке она видела отход страны от социализ-

ма, признание и доказательство того, что коммунистическая система не может обеспечить «тот уровень и качество жизни, которые существуют в свободных демократических обществах Запада»[20]. М. Тэтчер не скрывала своих надежд на то, что перестройка и гласность в СССР окажут влияние и на страны Восточной Европы, рассчитывая на их отход от социализма. Таким образом, Тэтчер быстро уловила новые веяния в настроениях советского руководства, умело использовала «фактор Горбачева» в интересах своей страны и Запада в целом[21].

Со своей стороны Советский Союз отношения с Великобританией вывел на первый план. Для М. С. Горбачева, начавшего кардинальное реформирование советской системы, было очень важно, чтобы Запад поддержал перестройку. В связи с этим его выбор остановился на М. Тэтчер в качестве посредника не случайно: традиционно жесткая позиция Великобритании в отношении Советского Союза делала поддержку курса Горбачева более ценной и служила хорошим примером для других западных лидеров. Особенно важным для М. С. Горбачева было влияние «железной леди» в Вашингтоне[22].

О самом серьезном отношении британского руководства к перестройке в СССР свидетельствуют весьма конструктивные англо-советские встречи во второй половине 1980-х гг.: визит в СССР британской парламентской делегации в мае 1986 г.; официальный визит в Лондон министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в июле 1986 г.; первый за 12 лет официальный визит в СССР премьер-министра Великобритании в конце марта – начале апреля 1987 г.; официальный визит в Великобританию М. С. Горбачева в апреле 1989 г.; визит М. Тэтчер в СССР в 1990 г.

В ходе отмеченных встреч члены делегаций – и тори, и лейбористы, и либералы – высказывались за сотрудничество двух стран и активизацию диалога между Западом и Востоком. Их результатом было подписание сторонами важнейших документов, таких как: программа об экономическом и промышленном сотрудничестве на 1986–1990 гг.; соглашение о предотвращении инцидентов на море; меморандум о намерениях сторон развивать отношения по линии культуры, науки, техники, образования, информации (первый такого рода в отношениях СССР с западными странами); соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений; соглашение о создании консорциумов и содействии деловому предпринимательству; программа развития экономического и промышленного сотрудничества на 1991–2001 гг.

Особое значение имел официальный визит в СССР премьер-министра Великобритании весной 1987 г. В своих мемуарах М. Тэтчер отмечала, что это была ее «самая важная зарубежная поездка». Необходимо отметить, что этому визиту предшествовала встреча британского премьера с президентом Франции Ф. Миттераном и канцлером ФРГ Г. Колем, на которой была выработана общая позиция в отношении СССР[23]. Это говорит о ведущей роли Великобритании в связях Восток – Запад и о выражении британским руководством единой точки зрения стран Западной Европы по отношению к Советскому Союзу. Весьма плодотворными были итоги визита М. Тэтчер в СССР в 1990 г., во время которого она объявила в Москве о создании в британских университетах 10 новых кафедр по изучению СССР. Таким образом, во второй половине 1980-х гг. англо-советские контакты заметно расширились по всем направлениям, что свидетельствовало о позитивном отношении британского руководства к перестройке в СССР.

Активный политический диалог способствовал созданию благоприятной атмосферы для расширения англо-советских отношений в других областях. О доверии британских деловых кругов перестроечному процессу в СССР свидетельствовал широкий отклик английских фирм на участие в Национальной выставке в Москве в 1989 г.[24] Во второй половине 1980-х гг. заметно оживились англо-советские культурные связи: стала регулярной практика проведения телемостов.

Вместе с тем если внутренние процессы в СССР одобрялись М. Тэтчер почти безоговорочно, то внешнеполитические концепции Советского Союза далеко не всегда ею разделялись. М. Тэтчер по этому поводу отмечала: «Во внешней политике картина менее ясная»[25]. Похвалы в адрес отдельных внешнеполитических шагов Советского Союза сочетались у нее с заявлениями об опасности для Великобритании со стороны СССР. Во многом это обусловливалось различием подходов к проблеме разоружения – центральной в политическом диалоге Восток – Запад. Переговоры между советским и британским лидерами подтвердили наличие весьма глубоких расхождений. Так, если М. С. Горбачев высказывался за полное уничтожение ядерного оружия, то М. Тэтчер неоднократно заявляла, что британское правительство не согласится на его полную ликвидацию в Европе, хотя в некоторых вопросах британская и советская позиции сблизились (по ракетам средней дальности; необходимости ликвидации химического оружия; по основным аспектам урегулирования германской проблемы, за исключением вопроса о включении объединенной Германии в НАТО). Все это говорит о принятии британским руководством отдельных направлений новой внешнеполитической концепции Советского Союза[26].

Несмотря на сохранившееся недоверие английского консервативного руководства к СССР, в целом оно оставалось благоприятным. М. Тэтчер, став одним из главных сторонников Горбачева среди мировых лидеров, положила начало его признанию западным миром. Именно британский премьер, считавшая себя «крупнейшим западным экспертом по Горбачеву», сыграла весьма эффективную роль посредника в отношениях между СССР и США[27]. Тот факт, что она, будучи одной из главных «запевал» в холодной войне и гонке вооружений, стала также и одним из главных инициаторов ее прекращения, более всего свидетельствовал о реальном доверии к советской перестройке со стороны британского лидера. Все это говорит об одобрении в то время британскими политиками перестроечного процесса в СССР и определенных надеждах на его успех.

Активная поддержка советской перестройки скрывала за собой в немалой степени политический расчет английского премьера. Во-первых, тесные отношения М. Тэтчер с М. С. Горбачевым прежде всего давали ей возможность поставить себя в центр отношений Восток – Запад, что соответствовало внешнеполитической стратегии британского лидера, направленной на возрождение статуса Великобритании как великой державы. Диалог двух лидеров способствовал созданию условий, когда «британские взгляды снова обретали вес, а страна особый статус среди своих союзников в Западной Европе»[28]. В целях наибольшего влияния на Европейском континенте британское руководство было также заинтересовано в ослаблении зависимости стран Восточной Европы от СССР. Оно рассчитывало, что со временем перестройка перебросится и на других участников советского блока. Во-вторых, здесь присутствовал и внутриполитический мотив – конструктивные контакты британского лидера с советским руководством существенно увеличивали шансы консервативной партии на парламентских выборах, как это было в 1987 г. Кроме того, советскую перестройку М. Тэтчер в определенной степени сравнивала со своей реформаторской деятельностью, тем самым создавая ей большую привлекательность в глазах английского общества.

Спустя годы большой интерес западных специалистов и политиков к советской перестройке сохранился. И уже в некоторой ретроспективе оценки данного процесса стали более взвешенными и в определенной степени откровенными. При всей своей неоднозначности в целом они остались положительными. В своей книге «Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира» М. Тэтчер уделила особое внимание проблеме перестройки в СССР и ее инициатору М. С. Горбачеву. Анализируя причины неудач реформаторской деятельности М. С. Горбачева, она, в частности, отмечает: «Программа гласности и перестройки господина Горбачева были задуманы как взаимодополняющие, но добиться этого не удалось… Как бы то ни было, основой Советского Союза все еще оставалась коммунистическая партия… а партия не могла просто так поступиться тем, что она ценила превыше всего – властью. Это объясняет личную трагедию Михаила Горбачева, которого приветствовал Запад – совершенно оправданно, надо заметить, – но отвергли и осудили соотечественники. Несмотря на все разговоры о необходимости “нового мышления”, в конечном итоге он так и не смог воплотить его в жизнь»[29]. М. Тэтчер прямо утверждает, что политика М. С. Горбачева, по ее мнению, «оправданно» поддерживалась западными странами, и косвенно возлагает вину за ее неудачи на «соотечественников». Далее она недвусмысленно признается: «Мне очень хотелось, чтобы Михаил Горбачев получил признание и поддержку». Именно поэтому, несмотря на трудность, добивалась присоединения Советского Союза/России к странам «большой семерки». (М. Тэтчер отмечает, что данное предложение содержалось, в частности, в ее выступлении в Верховном Совете СССР в Москве 28 мая 1991 г.) С нескрываемым сожалением М. Тэтчер констатирует: «С началом 1991 года советское руководство практически отказалось от идеи политического и экономического реформирования и встало на курс, завершившийся путчем в августе 1991 года»[30]. Действительно, британское руководство до конца поддерживало центральную власть, которую персонифицировал Горбачев, считая ее более приемлемой и предсказуемой, чем руководство РСФСР во главе с Ельциным[31].

М. Тэтчер, осмыслив советскую перестройку, сохранила к ней и ее лидеру М. С. Горбачеву позитивное отношение. Вместе с тем если прежде она верила в успех перестроечного процесса и возлагала на него определенные надежды, о чем свидетельствовала решительная поддержка британским руководством процесса нормализации международных отношений, то теперь откровенно признавала очевидную нереальность кардинального реформирования советской системы. В этом М. Тэтчер видит «личную трагедию» М. С. Горбачева. По мнению же известного российского специалиста-международника Ал. А. Громыко, «Тэтчер оказалась неспособной реалистично оценить последние годы правления советского руководителя, когда он стремительно терял общественную поддержку в своей стране»[32].

Таким образом, отношение руководства западных стран к перестройке в СССР было противоречивым, в результате Запад не использовал имевшуюся у него возможность оказать перестройке реальную поддержку. Руководство стран Запада ориентировалось в конечном счете на защиту собственных интересов, и в этой связи поддержка реформ в Советском Союзе с его стороны не вышла за пределы политического диалога. Во многом подобная позиция стран Запада была обусловлена, как уже отмечалось, их недоверием к политике советского руководства – либо по причине сомнений в его реформаторских способностях, либо ввиду подозрений в скрытых замыслах. Так, Дж. Буш неоднократно заявлял о полной поддержке перестройки в СССР. Однако сам не сделал никаких практических шагов в этом направлении и удержал своих партнеров от оказания действенной помощи, о которой настойчиво просил М. С. Горбачев. По свидетельству М. Беншлосса и С. Тэлботта, Г. Коль и Ф. Миттеран убеждали глав правительств западных стран предоставить СССР в виде помощи от 15 до 20 млрд долларов в знак доверия Запада Горбачеву и его реформам. Однако Буш утверждал, что до тех пор, пока советская экономика не будет преобразована, а военные расходы и иностранная помощь сокращены, Горбачев не сможет разумно распоряжаться деньгами. В результате руководители западных стран вместо реальной помощи ограничились посланием Горбачеву письма с обещанием ускорить международное изучение советской экономики[33]. Пожалуй, лучше всего позицию западных стран выразил госсекретарь США Дж. Бейкер, который утверждал, что положительная реакция на действия Горбачева вовсе не требует

того, чтобы пройти полпути ему навстречу: «Он идет в нашу сторону. Вот и пусть идет»[34]. Такая позиция Запада во многом предопределила судьбу перестройки и советского лидера.

В позитивном отношении к перестроечному процессу в СССР со стороны руководства Запада в целом присутствовал не только прагматизм. Одним из важнейших факторов были непосредственно инициативы нового руководства – провозглашение им неординарных подходов в мировой политике и в международных отношениях. Немаловажным обстоятельством был и собственно «фактор Горбачева». Ключевая в международных отношениях проблема Восток – Запад советским руководством зачастую успешно решалась в процессе личного общения М. С. Горбачева с западными лидерами. Данный факт отмечали и советские издания: «Существенно меняется к лучшему облик СССР в глазах мировой общественности. Исключительно высока за рубежом популярность советского руководителя»[35]. Для западных политиков новый советский лидер виделся прежде всего реформатором. Именно с появлением М. С. Горбачева на международной арене начали реально меняться отношения Восток – Запад.

В годы перестроечного процесса обозначилась и тенденция позитивного восприятия Советского Союза общественным мнением стран Запада. Причем немаловажное значение в этом процессе имел «фактор Горбачева»: популярность советского лидера росла. Вначале европейцы, а затем и американцы поверили в перестройку. Так, с 1987 по 1989 г. благожелательное отношение к СССР выросло в США с 25 до 62 %[36].

После распада СССР российский фактор уже не играл для стран Запада такой важной роли, как в 1980-х гг. На это обращает внимание бывший премьер Великобритании лейборист Т. Блэр: «…когда Россия была Советским Союзом, хотя она имела неправильную экономическую систему и систему управления, она была сильной – к ней относились с уважением, даже боялись. С ней считались». За годы перестройки «она потеряла свое положение в мире»[37]. Судя по всему, он стремится быть объективным и, абстрагируясь от интересов стран Запада, дает в большей степени негативную оценку перестроечному процессу с точки зрения национальных и геополитических интересов Советского Союза. При этом основным мотивом подобного мнения британского политика о перестройке являются ее последствия – ослабление и распад СССР. Блэр, как и другие западные политики, сожалеет об этом.

Тем не менее в истории не происходит случайных событий, особенно масштабного характера. В период перестройки был накоплен достаточно позитивный опыт в отношениях Восток – Запад, который в дальнейшем был использован преемниками. Так, сменивший М. Тэтчер Дж. Мейджор стремился сохранить и развить тот положительный опыт, который был накоплен в отношении России, благодаря активной деятельности его предшественницы. В свою очередь, Дж. Буш, используя уже накопленный опыт после распада СССР, активно развивал контакты с новым правительством России.

До сих пор разброс в оценках перестроечного процесса в Советском Союзе очень велик, что обусловлено прежде всего противоречивостью и неоднозначностью этого события в новейшей истории. При этом если среди многих российских политиков и рядовых россиян превалируют негативные мнения о перестройке, то представители политических и общественных кругов Запада в целом ее положительно оценивают. Это объясняется тем, что мировое сообщество с перестройкой связывает демократизацию Советского Союза, окончание холодной войны, реальное сокращение вооружений и избавление человечества от угрозы мировой термоядерной катастрофы, объединение Германии, т. е. все те позитивные сдвиги, которые оно приветствует. По мнению Дж. Ф. Мэтлока, «было бы неверно считать распад Советского Союза провалом перестройки… Этот процесс продолжился во многих бывших советских республиках… Перестройка оказалась более длительным и более трудным процессом, чем вначале думали ее авторы. Но ее основные идеи сохранили свою значимость…»[38]. Американский политик видит в перестройке в СССР закономерный и сложный процесс, до сих пор не исчерпавший свой потенциал. Возможно, должно пройти еще время для определения более сбалансированной оценки столь неординарного и сложного события в истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

[1] См.: История России. XX век: учеб. пособие / О. А. Яновский и др.; под ред. В. И. Меньковского и О. Я. Яновского. Минск, 2005. С. 527.

[2] Иванян Э. А. История США. М., 2004. С. 528.

[3] Там же. С. 534.

[4] Международный ежегодник: Политика и экономика. Вып. 1988 г. М., 1988. С. 161.

[5] Там же.

[6] Мэтлок Дж. Ф. Перестройка как она виделась из Вашингтона (1985–1991). Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М., 2005. С. 82.

[7] Гонен Ж.-М. // Le Figaro. 2009. 2 нояб. Режим доступа: http: // www. inopressa.ru. Дата доступа: 26.12.2011.

[8] Мэтлок Дж. Ф. Указ. соч. С. 267.

[9] Иванян Э. А. Указ. соч. С. 539.

[10] Беншлосс М., Тэлботт С. На самом высоком уровне. М., 1994. С. 45.

[11] Золов А. В. США: борьба за мировое лидерство (К истории американской внешней политики. XX век): в 2 ч. Калининград, 2000. Ч. 2. С. 92.

[12] Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира: пер. с англ. М., 2003. С. 122–123.

[13] Там же. С. 118.

[14] См.: Никонов В. А. Рональд Рейган // Вопр. истории. 1989. № 2. С. 70.

[15] См.: Матвеев В. А. Британия вчера и сегодня. М., 1989. С. 120.

[16] Великобритания: эпоха реформ / под ред Ал. А. Громыко. М., 2007. С. 400.
[17] Рейган Р. Жизнь по-американски: пер. с англ. М., 1992. С. 4.
[18] Перегудов С. П. Маргарет Тэтчер // Вопр. истории. 1988. № 10. С. 126.
[19] Попов В. Маргарет Тэтчер: человек и политик. М., 1991. С. 389.
[20] Замятин Л. М. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках – Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер. М., 1995. С. 234.
[21] См.: Великобритания: эпоха реформ... С. 401.
[22] Там же. С. 400.
[23] Там же. С. 401.
[24] См.: Золов А. В. Указ. соч. С. 121.
[25] Попов В. Указ. соч. С. 397.
[26] См.: Великобритания: эпоха реформ... С. 400.
[27] Там же. С. 403.
[28] Там же. С. 400.
[29] Тэтчер М. Указ. соч. С. 101.
[30] Там же. С. 107.
[31] См.: Великобритания: эпоха реформ... С. 405.
[32] Там же. С. 404.
[33] См.: Беншлосс М., Тэлботт С. На самом высоком уровне. М., 1994. С. 202.
[34] Там же. С. 35.
[35] Международный ежегодник: Политика и экономика. Вып. 1988 г. М., 1988. С. 6.
[36] См.: Мэтлок Дж. Ф. Указ. соч. С. 360.
[37] Капитонова Н. К. Путешествуя с Тони Блэром по страницам его мемуаров // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 203.
[38] Мэтлок Дж. Ф. Указ. соч. С. 173.

Поступила в редакцию 31.05.13.

Наталия Евгеньевна Орлова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени.

УДК 930

А. П. БЕТЕНЯ

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Посвящена формированию современных научных российских исследовательских центров по изучению политики Европейского союза в отношении Российской Федерации. Рассматриваются академические, правительственные, университетские и новые аналитические центры, исследующие внешнюю политику Европейского союза в отношении России, их роль, цель, задачи, востребованность государственными политическими структурами и общественными организациями. Изучаются причины, способствующие активизации европейских исследований в Российской Федерации в постсоветский период. Приводится оценка деятельности ведущих исследовательских центров России согласно ежегодному глобальному рейтингу экспертно-аналитических центров мира (Think Tanks Index).

Ключевые слова: исследовательские центры России; изучение политики ЕС; политика ЕС в отношении России.

Article is devoted to formation of the modern scientific Russian research centers on studying of policy of the European Union concerning the Russian Federation. The academic, governmental, university and new analytical centers investigating foreign policy of the European Union concerning Russia, their role, the purpose, tasks, demand are considered by the state political structures and public organizations. The reasons promoting activization of the European researches in the Russian Federation during the Post-Soviet period are investigated. The assessment of activity of the leading research centers of Russia according to an annual global rating of the expert and analytical centers of the world is given (Think Tanks Index).

Key words: the research centers of Russia; Studying of policy of EU; the politician of EU concerning Russia.

Взаимоотношения Российской Федерации и Европейского союза насчитывают продолжительное время. Кроме того, «ЕС – крупнейший рынок сбыта российских товаров»[1], «половина всего объема внешней торговли России связана со странами ЕС»[2], а также Евросоюз – «наиболее важный и влиятельный стратегический партнер»[3]. Поэтому невозможно не согласиться с мнением министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова, что «в России растет интерес к Европе»[4], и, как следствие, создаются исследовательские отделы в научно-аналитических центрах по изучению этого крупнейшего геополитического образования.

Одним из старейших таких институтов является созданный в 1956 г. Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР (далее – ИМЭМО). Европейские исследования постоянно находятся в сфере деятельности ученых института и сосредоточены в основном в Центре европейских исследований (ЦЕИ), сотрудники которого также «проводят активную работу по исследованию и концептуальному обоснованию углубления и расширения партнерских отношений между Россией и ЕС, являясь наиболее активными сторонниками приоритетности “европейского вектора”»[5]. Данному направлению посвящены исследования Н. Арбатовой[6], Е. Громогласовой[7], С. Уткина[8], а также коллективные исследования под редакцией А. Кузнецова[9], Э. Соловьёва[10], В. Марцинкевича[11], Н. Арбатовой[12].

Немаловажное значение в исследовательской деятельности института занимают конференции, которые проводятся, как правило, в международном формате и при участии как российских, так и зарубежных партнеров.